

(с перерывами) издавался как приложение к газете «Судебный вестник» (1866–1877). Каждый университет выпускал свои «Ученые записки» или «Труды», училища и лицеи — «Памятные книжки» (1850–1916), «Учебные записки» (1907–1910, 1912–1916), Демидовский лицей — «Временник Демидовского юридического лицея» (1872–1917).

Таким образом, к началу XX столетия образовалась и закрепились важнейшая ниша отечественной журналистики — юридическая периодика и библиография, которая была востребована и необходима как ученому-правоведу, практикующему специалисту, так и массовому читателю. Постепенно трансформируясь и усложняясь, вся совокупность средств популяризации правовых знаний соответствовала потребностям науки, приближая научные знания к массовому читателю, расширяя круг знатоков права, тем самым укрепляя позиции отечественной научной юриспруденции как социального института.

Т. Е. Грязнова

ИНСТИТУТЫ ДЕМОКРАТИИ ШВЕЙЦАРИИ В ОСМЫСЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЮРИСТОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX века

Проблема демократии занимает одно из центральных мест в творчестве отечественных либеральных юристов конца XIX — начала XX вв. Выход на политическую сцену народных масс, властно заявивших свои притязания как на известную долю жизненных благ, так и на право стать полноправными субъектами политической системы и правотворческой деятельности, обозначил проблему демократии как важнейшую проблему своей эпохи. При этом очевидно, что в России чисто научному интересу сопутствовал интерес политический. В широком спектре форм демократий Нового времени особое место, по мнению исследователей, занимает демократия Швейцарии, представляющая несомненный интерес как единственное государство того периода с прямым участием народа в осуществлении властных полномочий на кантональном уровне и сочетанием институтов представительной и прямой демократии на уровне федеральном. Так, М. М. Ковалевский комментировал эту особенность следующим образом: «Мы имеем в Швейцарии... образцовое, чисто демократическое устройство, частью сохраняющее еще следы прямого народоправства, частью приблизившееся к типу народоправства представительного,

но восполненное и прямым законодательным почином и так называемой системой референдума»¹.

В центре внимания отечественных исследователей находятся кантоны Ури, Верхний и Нижний Унтервальден, Гларус и полукантоны Аппенцеля, где учреждения непосредственной демократии сохранились в виде народных собраний — *Landsgemeinde*. *Landsgemeinde* представляет совокупность всех полноправных граждан кантона, собирающихся в определенное время для осуществления законодательных и правительственных функций, а также производства многочисленных выборов должностных лиц.

Наряду с народным собранием в рассматриваемых кантонах российские государствоведы отмечали наличие избираемого общинами и обладающего законосовещательными функциями Большого Совета, главная задача которого — подготовка проектов законов для представления их органу прямого народоправства.

Вопросы текущего управления подлежали ведению Правительственного Совета (избирался либо непосредственно народом, либо Большим Советом), который возглавлял ежегодно избираемый народным собранием *Landsmann*. Помимо председателя Правительственного Совета, народное собрание избирало начальника местной милиции, казначея и помощника ландсмана. В случае необходимости решения особо значимых вопросов, например подготовки законопроектов, состав Совета может быть расширен за счет дополнительно избираемых лиц.

В сферу интересов правительственной власти *Landsgemeinde*, как отмечали либеральные представители российской юриспруденции, попадали следующие вопросы: ратификация межкантональных договоров, финансовое управление, а также любая проблема по требованию граждан.

Народное собрание, сосредоточивая в своих руках учредительную, законодательную и широчайшую правительственную власть, было лишено возможности злоупотреблять ею: конституционный характер современных демократий надежно защищает права и свободы граждан, подчеркивали ученые².

¹ Ковалевский М. М. Демократия, и ее политическая доктрина. Курс лекций, читанных на экономическом отделении СПб. П. И. в 1912–1913 уч. г. СПб., 1913. Вып. II. С. 112.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 32–33; *Его же*. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1914. С. 54–62; *Его же*. О правовом государстве. Б/м., б/г. С. 16; Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. / под ред. Н. М. Коркунова. СПб., 1895. С. 95–96; *Его же*. Государственное право. Лекции,

Возможность существования прямых демократий ряда швейцарских кантонов была обусловлена, по мнению отечественных исследователей, их незначительной территорией, малочисленным населением и чрезвычайной простотой государственной жизни. Однако рост населения и усложнение государственных задач делали будущее этой формы народоправства проблематичным.

Политическая жизнь остальных швейцарских кантонов, наряду с переходом к народному представительству, обусловила формирование целого ряда новых институтов, позволяющих гражданам непосредственно участвовать в осуществлении учредительной и законодательной власти, отмечают российские наблюдатели. К числу этих институтов они относили: народное veto, референдум (факультативный и обязательный), народную инициативу и право отзыва³.

Исторически первой формой непосредственного участия правоспособных граждан в законодательной власти был институт народного veto, введенный в Сен-Галленском кантоне в 1831 г. Сущность этого института С. А. Котляревский трактовал следующим образом: «Если после издания известного закона большинство граждан в течение определенного времени выскажется против него, то закон не вступает в силу»⁴.

Очередным шагом в расширении непосредственного народоправства стал институт референдума. Под референдумом российские юри-

читанные в 1881–1882 акад. году. СПб., 1882. С. 343–345; *Ковалевский М. М.* Указ. соч. С. 110; *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 33–34; *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I. С. 67.

³ *Гессен В. М.* Основы конституционного права. С. 32–33; *Его же.* Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 62–67, 80–85; *Градовский А. Д.* Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 345–347; *Ковалевский М. М.* Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени. СПб., 1910–1911. Т. I. С. 10, 25; *Его же.* Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. СПб., 1908. Ч. I. С. 12–15, 18; *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2004. С. 247; *Котляревский С. А.* Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 1915. С. 249–250; *Его же.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–36; *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 172–199.

⁴ *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34.

сты понимали всеобщее голосование граждан по установлению законов и иным наиболее важным вопросам государственной жизни⁵.

На федеральном уровне институт референдума был закреплен в Конституции Швейцарии 1848 г., согласно нормам которой граждане получили право утверждать основной закон. Конституция 1874 г. предоставила гражданам право выносить окончательное решение по поводу поправок к Конституции, предлагаемых Федеральным собранием, либо самим инициировать вопрос о полном или частичном пересмотре конституционных норм.

Референдум имел обязательный характер для конституционных законов (изменение признается принятым, если за него проголосовало большинство граждан и большинство кантонов) и факультативный для остальных. Институт факультативного референдума интерпретировался российскими юристами как право граждан (численность колеблется в различных кантонах от 500 до 6 тыс. человек, на федеральном уровне — от 30 тыс. граждан или 8 кантонов) требовать народного голосования по законопроектам или постановлениям, разработанным представительным учреждением⁶. Более демократичным институтом, по мнению отечественных исследователей, являлся обязательный референдум, при котором все законопроекты, принятые представительствами кантонов, подлежали вотуму народа⁷.

⁵ Гессен В. М. Основы конституционного права. С. 33 ; Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. . С. 96–97 ; Его же. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346 ; Ковалевский М. М. Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени. С. 25 ; Его же. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. С. 13 ; Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 220–221.

⁶ Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 63–64 ; Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346 ; Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. С. 12–15 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–35 ; Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 190.

⁷ Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 63–64 ; Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346 ; Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. С. 12–15 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–35.

Референдум, как справедливо отмечали правоведы, был известен не только Швейцарии, но и целому ряду субъектов США. Однако в североамериканских штатах востребованность данного института начиная с 20-х годов XIX в. была обусловлена неудовлетворенностью результатами деятельности народного представительства и концентрацией власти в руках узкого круга профессиональных политиков. Анализ вопросов, выносимых в штатах на референдум (утверждение законопроектов, предложений финансового характера и т. д.), и их результатов позволил российским ученым расценивать данную практику как безусловно позитивную.

В тесной связи с референдумом во всех швейцарских кантонах стоит институт законодательной инициативы. Его сущность государственведы усматривают в праве граждан посредством простого предложения либо готового проекта требовать разработки, изменения или отмены какого-либо закона или правительственного распоряжения.

Право отзыва, как отмечали отечественные ученые, по сравнению с вышеназванными формами осуществления непосредственной демократии, получило на территории Швейцарской Республики гораздо меньшее распространение (всего в пяти кантонах). Оно заключается в возможности досрочного роспуска законодательного органа или исполнительного совета по требованию избирателей с условием обязательного назначения новых выборов.

Закрепление институтов прямой демократии на федеральном уровне, в частности в действующей Конституции 1874 г., стало определяющим для интерпретации Н. И. Лазаревским, С. А. Котляревским и В. М. Гессеном Швейцарской федеративной республики как непосредственной демократии⁸.

Иной точки зрения придерживались А. Д. Градовский, Ф. Ф. Кошкин и М. М. Ковалевский. Институты прямой демократии, будучи важнейшей составляющей правовой системы Швейцарской Республики, рассматривались ими как особенность демократии представительной⁹. Федеративное государство, по мнению этих ученых, демонстрирует основные признаки представительной формы правления: разделение

⁸ Гессен В. М. Основы конституционного права. С. 32–33 ; *Его же*. О правовом государстве. С. 16 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 36–38 ; Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 67.

⁹ Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 345–347 ; Ковалевский М. М. Демократия, и ее политическая доктрина. Курс лекций, читанных на экономическом отделении СПб. П. И. в 1912–1913 уч. г. С. 90–112 ; Кошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 247–248.

властей и наличие обладающего реальными законодательными полномочиями народного представительства.

Большое внимание в творчестве российских либеральных правоведов уделяется проблеме эффективности и жизнеспособности институтов прямой демократии. Изучение отзывов наблюдателей функционирования, в частности института референдума, позволяет говорить о далеко не однозначном отношении современников к этому вопросу. Тщательный анализ взглядов как сторонников, так и противников референдума позволил нашим исследователям составить собственное видение проблемы. Рассмотрев аргументы, свидетельствующие о консервативности данного института, проявившейся в отклонении народным голосованием ряда прогрессивных законов и социальных реформ, российские либеральные ученые считали их несостоятельными, ссылаясь на объективные факторы: чрезвычайную сложность законопроектов и особенность национального характера швейцарцев — феноменальную бережливость. «Конечно, при референдуме темп законодательства может сильно замедляться, многие полезные мероприятия оказываются не в силах побороть народные предубеждения; но зато, раз приобретенное становится прочным достоянием»¹⁰, — считал С. А. Котляревский.

Будучи, с точки зрения отечественных государствоведов, школой политического воспитания народа, средством первостепенной важности его правового развития, способом влияния общественного мнения на законодательство, гарантом сохранения прав и свобод граждан, а также стабильности существующего государственного строя, референдум оценивается ими как «чрезвычайно серьезный» и «чрезвычайно жизненный» институт, органично дополняющий народное представительство¹¹. «Это есть именно та форма выражения народной воли, которой принадлежит будущее и которая идет если не на смену, то в подкрепление существующим формам», — заключил П. И. Новгородцев¹².

¹⁰ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 39.

¹¹ Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 67, 80–85; Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 186; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 39; Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 173–174, 207.

¹² Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 175.

Анализ взглядов российских либеральных мыслителей позволяет говорить об их позитивном отношении не только к традиционным институтам представительной демократии Швейцарии, но и к институтам демократии прямой, рассматривая их в качестве чрезвычайно значимых трансляторов общественного мнения, в полной мере отвечающих принципу народного суверенитета.

М. А. Бучакова

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ В ПРАВЕ: АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ведущей правовой отраслью является конституционное право. Именно Конституция Российской Федерации, устанавливая основы конституционного строя, базовые отношения в различных сферах жизнедеятельности общества, определяет ориентиры для развития всей правовой системы. По сути, конституционное право как ведущая правовая отрасль служит тем фундаментом, который формирует другие отрасли права. Оно определяет не только вектор их развития, но и возможности установления корреляционных отношений с нормами других отраслей права. Так, В. П. Мозолин структуру права в обобщенном виде определял как «состоящую из трех уровней: конституционное право; основные ветви права (гражданское право, трудовое право, административное право, налоговое право, уголовное право, процессуальное право); правовые образования, функционирующие в отдельных сферах жизнедеятельности государства и общества»¹.

Следует отметить, что указанными правовыми образованиями обозначены совокупности правовых норм, имеющие однородный характер и состоящие из норм других отраслей права. В научной литературе подчеркивается комплексный характер подобного рода правовых образований. Так, В. М. Сырых указывает, что «правовое образование признается комплексным не потому, что в нем содержатся нормы других отраслей права, а потому, что эти нормы конкретизируются применительно к специфике предмета отрасли и действуют только в ее пределах»².

¹ Мозолин В. П. Система российского права : доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. // Гос-во и право. 2003. № 1. С. 108–109.

² Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 25–27.